

Константы Гнибовски

ИЗ ИСТОРИИ ПОНЯТИЯ ПРОГРЕССА

Под философскими концепциями, связанными с понятием прогресса автор понимает концепции, рассматривающие человечество как одно целое, видя в его развитии процесс постепенного совершенствования, признающие решающей причиной этого совершенствования человеческую деятельность, а не какие то метафизические факторы. Последовательно он анализирует только взгляды, отвечающие этому определению, изображая в общих чертах историческое развитие отдельных элементов, которые складываются на эти взгляды. За основной вклад античной мысли в этой области он признает создание, главным образом философией стоиков, понятия единства человеческого рода.

Средневековая схоластика является с одной стороны регрессом, когда разбивает это единство решительным противопоставлением „civitas dei” и „civitas diaboli”, с другой однако стороны содержит в ней зародыши понимания единства исторического процесса, хотя он зависит от иррациональных факторов (бога), не человека. Возрождение приносит секуляризацию понимания исторического процесса. XVIII век и Просвещение подчеркивают его обще-человеческий характер и выдвигают на первое место оптимистическую оценку исторического развития, рассматривая его однако постольку исторически, поскольку законы его считают неизменными, критерии оценки за такие же самые для всех обществ и эпох, личность, как решающий двигатель и „архитип” прогресса. Реакцией против этой индивидуалистической и рационалистической концепции была историческая школа первой половины XIX века, признающая за двигатель развития общественную группу вместо личности и преодолевающая концепцию неизменной человеческой природы.

Теория Маркса и Энгельса „*more highly intergrated synthesis of concrete existence and national principle than that of these contemporaries*” (L. Krieger, в *Journal of history of Ideas* 1953) сделалась не только синтезом всего достижения человеческой мысли, но, определяя общие методологические принципы исследования истории человечества, а также прецизируя роль социального класса, как решающего двигателя прогресса, опираясь на исследования истории обществ на объективных и рационалистически проверяемых основах.

Поскольку домарксистские буржуазные концепции прогресса, а также доктрина марксизма, рассматривали прогресс, как явление, относящееся ко всем областям жизни человека — постольку более поздние буржуазные доктрины, даже если концепции прогресса не отвергают, ограничиваются к его анализу в одной области этой жизни, признавая ее как решающую для оценки развития в целом.

Для последних десятилетий XIX века этой областью является техника, для первой половины XX века все больше выдвигается на первое место совершенствование методов руководства людьми как критерий прогресса. Рядом этого направления все сильнее отмечается пессимистическое направление, отрицающее существование прогресса в истории человечества. Автор определяет фашизм, как особое сочетание практической акцептации технического прогресса, перемещение „вещественного” и антигуманистического отношения к „техническому” прогрессу, абстрактно от его влияния на судьбу человека, на методы руководства людьми, заимствование, как идеологической мистификации в интересе приобретения промежуточных классов, пессимистической оценки прогресса и восхваления прошлого.

Автор указывает вкратце на современное развитие возрождающихся рационалистических доктрин прогресса, видя в них платформу соглашения между мыслителями, независимо от их взглядов на вопросы социально-экономического строя.

Адам Прухник

ПОЗИЦИЯ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

Во время начала русско-японской войны польская Народная Демократия проходила эволюцию в направлении угодничества, к антигерманским позициям, к опоре на имущие классы. Она находилась в центре тогдашнего общества, доказательством чего была программа 1903 года. Эта программа говорит о независимости как идеале, подчеркивая одновременно, что нет в нем места на вооруженную борьбу и что нианс действовать в пределах существующих условий. Конфронтация программы с тогдашней действительностью в части Польши, захваченной русскими, указывает, что практически она была неосуществимой. В рамках царского самодержавия не было другого пути, как борьба за свержение царизма. Несмотря на то, что программа 1903 года родилась в условиях долголетнего мира в империи, возникновение войны не привело к существенным изменениям этой программы. Народная Демократия рассчитывала на то, что война преобразует Россию в демократию западно-европейского типа и в этих условиях возможно будет вести легальную борьбу за права польского народа. Война, по мнению публицистики Народной Демократии, может привести к перемене строя в короткое время, возможно однако, что перемены эти последуют только позже или вообще не будут иметь места.

Позиция Народной Демократии во время войны является антирусской. Немалое пугало, это еще монополия угодников. По мнению публицистики Народной Демократии существует противоположной позиции, так в отношении угодничества, как и революции. Называется это реальной политикой, ведущей борьбу на два фронта. В противоположность более поздним оценкам периода русско-японской войны, сделанным передовым руководителем и идеологом НД — Р. Дмовским, в это время, полемика с революционными направлениями является относительно слабой; это скорее — попытки оправдаться, почему Народная Демократия не высказывается за восстание. Вместо того выдвигается пугало чужой, английской агентуры, которая как будто бы поощряет поляков к легкомысленному выступлению.

Марьян Жиховски

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ В ТРИДЦАТЫХ—ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДАХ XIX ВЕКА

Данная работа является дополнением к вопросу о сельскохозяйственных капиталистических отношениях в Царстве Польском на примере анализа структуры хозяйств немецких колонистов в тридцатых—шестидесятых годах XIX-го века.

Основной источников научной статьи являлись материалы, находящиеся в Главном Архиве Давних Актов в Варшаве, в отделе Правительственной Комиссии Внутренних Дел, Воеводских Комиссиях и в составе актов протестантских приходов за 1796—1864 годы. Это ежегодные доклады уездных и губерцких начальников за 1842—1864 годы, касающиеся данных относительно мертвого и живого инвентаря колонистов и статистические данные их территориального размещения.

Основываясь на этом неизвестном до сих пор архивном материале, автор занялся четырьмя вопросами: 1) генезисом поселения, 2) динамикой его развития, 3) имущественным состоянием колонистов в частных имениях, 4) сопоставлением хозяйственного потенциала колонистов с одной стороны и местных крестьян и помещика с другой.

В развитии поселения автор усматривает три основные этапа. Первый охватывает 1796—1806 годы, период господства прусского захватчика на центральных землях Польши, во времени которого поселение осуществляется путем плановой колонизации немецкого крестьянства, главным образом из территорий Мекленбургии, Виртембергии и отчасти Силезии, преимущественно в казенных имениях — как проявление германизации и классовой разрядки в Пруссии (принудительное выселение крестьян).

1807 год — образование Варшавского княжества — приносит провал намерений прусского правительства.

Второй этап охватывает 1807—1830 годы. В этот период колонизация развивается стихийно вследствие притока немецких крестьян и преимущественно польских крестьян из Поморья и Силезии, которые в итоге правительской „регулировки“ потеряли реальные возможности существования. В дальнейшем поселяется колонистов преимущественно в казенных имениях.

Третий этап соответствует периоду после 1831 года. В это время колонисты поселяются прежде всего в частных имениях. В 1830 году количество колонистов в государственных имениях составляет 3816 семей, а в частных 3675 семей. В 1859 году в государственных имениях их было только 2528, а в частных 10 185 семей.

В этой части автор доказал неточности цифровых показателей в статистиках В. Грабского и Вольского.

Самые большие скопления колонийных поселений находились в западных районах Царства Польского.

Главным образом колонистов поселялось на вечных чиншевых правах. Шляхта охотно поселяла в своих имениях крестьян-колонистов, так как брала от них высокие односторонние выкупы.

В Царстве Польском поселенцы составляли значительный процент общего количества оброчных крестьян. Среднее наделение колонистов пахотной землей, лесами и пастбищами было выше среднего наделения оброчных и крепостных

крестьян. Во время поселения колонисты получали большие наделы целых земель, которые после освоения часто захватывались помещиком.

С 1842 г. по 1849 г. колонисты потеряли также и часть своих лесов. Итого в течение семнадцати лет шляхта захватила у колонистов свыше пятидесяти тысяч моргов земли разного качества.

Средний показатель количества живого инвентаря, находящегося во владении колониста был гораздо выше среднего показателя у местного крестьянина. В хозяйстве колониста первоочередную роль играла лошадь, в то время как у крестьянина преимущественно еще — вол. Уровень развития хозяйства крестьянина-колониста соответствовал общей тенденции сельскохозяйственных перемен в Царстве Польском в капиталистическом направлении и знаменовал постепенный кризис феодально-крепостнического строя.

В освещении составленных автором подробных сопоставлений получаем точную картину экономики колонистов в сравнении с экономикой других крестьян. Эти сопоставления, как и указанные выше статистики, могут являться дополнением основной в этой области научной статьи В. Грабского — История сельскохозяйственного Общества.

Збигнев Ляндау

ДИЛЛОНОВСКИЙ ЗАЕМ

К вопросу деятельности американских капиталов в Польше

Статья является попыткой выявить причины предоставления Польше в 1925 году займа американским банком (Bank Dillon, Read & Co).

Автор доказывает, что задачей банка было не приобретение непосредственных материальных выгод с предоставления займа польскому правительству, а сделание ему невозможным, при помощи соответственно сформулированных решений договора о займе, пользоваться, в момент возобновления польско-немецкой пошлинной войны, кредитом на американском рынке. Закрытие Польше в этот период доступа на американский кредитный рынок, при отсутствии возможности получить заем в Англии и Франции, имело целью принудить правительство к подчинению экономическому диктату Германии. Банк Dillon, Read & Co. был в этом очень заинтересованный в связи с серьезной ангажировкой в немецких предприятиях, рентабельность которых в немалой степени зависела от возможности обеспечения немцам экспансии на рынки Восточной Европы.

Очерк был обработан на основании материалов Архива Новых Актов (комплекс Клаузулы и Банка Польши), а также довоенного Министерства иностранных дел.

Кароль Бучек

ПРИМЕЧАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРАВА КРЕСТЬЯН НА ЗЕМЛЮ В ПЯСТОВСКОЙ ПОЛЬШЕ

Импульс к нижеследующим примечаниям дала статья И. Матушевского: „Causae haereditariae klauzul immunitetowych” (Юридическо-исторический журнал, VIII, тет. 1, Познань 1956), в которой автор этот собрал и обсудил клаузулы,

выступающие в некоторых польских иммунитетных привилегиях XIII-го и начала XIV-го века, предусматривающие дела о наследстве и исключительной компетенции властелина. Эти оговорки имеют очень большое значение, ибо доказывают бесспорно, что в период раннего феодализма (X—XIII в.) крестьяне обладали наследственными правами на землю. Автор настоящих „примечаний“, критикуя взгляды Матушевского, доказывает, прежде всего, что эти иммунитетные клаузулы, которые исключают из патримониального судопроизводства дела о межи, не касаются крестьянских земель, а только тяжб о межи между соседними поместьями. Он не соглашается тоже с взглядом, который не имеет подержки в источниках, что эти клаузулы не касаются „решений о наследовании“, а предметом их являются ближе неопределенные „вещные права на недвижимности“. Уже сам раздел Генриховской книги, касающийся княжеских крестьян Пирошевицев, указывает, что такие решения о наследовании действительно имели место в практике княжеских судов. Этим наследственным правомочиям некоторых категорий поселенцев на праве польском нельзя однако сопоставлять, как это делает Матушевский, с собственностью разделенной, свойственной якобы колонистам на праве немецком.

По мнению того же автора, эти *causae haereditariae* касались так вольных крестьян, как и приписанных, хотя только в отношении этих последних находим точное подтверждение в источниках. Имея в виду большую лаконичность соответствующих клаузул, можно с трудом подпнуть под это понятие также вольных крестьян, нельзя однако утверждать, что эти крестьяне действительно имели какое-то наследственные права на землю, так как вольных крестьян-наследников ничто не вязало бы с их господином. В это время все вольные наследники (владельцы) обязаны были нести воинскую службу на лошади и владели своими землями (*haereditates*) на основе рыцарского права (*iure militari*).

Остальное население страны можно разделить на несвободную дворовую прислугу, приписанных, свободных крестьян и разные категории княжеских крестьян-наследников. Дворовая прислуга состояла главным образом из военнопленных, закупленных (*servi empticii*) и их потомства. Если их поселено с тем, чтобы они работали на своего господина и сами себя содержали, тогда они становились приписанными (*servi ascripticii*) и обязаны были делать все то, что, и когда, им велено, и конечно они не имели никаких прав на землю, на которой были поселены. Не имели таких прав также вольные крестьяне: „гости“, земледельцы, а также постоянные и сезонные наемники, которые отличались от приписанных тем, что после исполнения определенных *more liberorum hospitem* или *iure oratorum* условий, могли покинуть своего господина.

Наиболее характерную для раннего средневековья категорию крестьянского населения составляли княжеские крестьяне-наследники, поселены на княжеской земле на разных групповых правах: смердов, нарочников, служебников (*ministeriales*), сторожей и т.п. Эти групповые права определяли — похоже как рыцарское право — соотношение этих крестьян к княжескому праву (*ius ducale*) и к другим группам населения страны, прежде всего присущие каждой группе права и обязанности (*servitia*). Повинности эти были связаны с землей, которая составляла как будто служебное снабжение и была — равно как и рыцарская земля — наследована согласно с польским правом наследования. Поскольку однако рыцари (владельцы) были вольными наследниками, постольку княжеские крестьяне-наследники были привязаны наследственно к повинностям и земли, итак после пожалования их церкви или светским феодалам, они сливались, раньше

или позже, с необходимыми приписанными и теряли свои права на землю и другие групповые привилегии.

Кажется не подлежащим сомнению, что монаршая юрисдикция по делам наследства берет свое начало из земной регалии, являющейся пережитком устройства первобытной общины, и заключающейся в том, что только тот мог наследственно владеть землей, кто нес службу в пользу правителя, который перенял права и власть по родовых и племенных начальниках.

Konstanty Grzybowski

LA NOTION DE PROGRES DANS SON DEVELOPPEMENT HISTORIQUE

Dans la conception philosophique de la notion de progrès, l'auteur comprend l'humanité comme un tout et voit dans son développement un processus de perfectionnement graduel qu'il reconnaît comme cause décisive de l'activité humaine et non des facteurs métaphysiques. Par conséquent il n'analyse que les opinions en faveur de cette définition. Comme apport fondamental de la pensée antique, il estime l'acceptation, surtout par la philosophie stoïque, de la notion de l'unité de l'espèce humaine. La scholastique médiévale est une décadence par l'opposition du „civitas dei“ au „civitas diaboli“; d'autre part pourtant, elle contient des germes de compréhension de l'unité du processus historique, dépendants toutefois de facteurs irrationnels (dieu) et non de l'homme. La Renaissance apporte la laïcisation de la notion du processus historique. Le XVIIIe siècle et le Siècle des Lumières soulignent son caractère humain et mettent au premier plan une appréciation optimiste du processus, mais en le traitant de manière non historique, au point de considérer ses principes immuables, les critères d'appréciation pareils pour toutes les sociétés et époques, l'individu comme moteur décisif du progrès. La réaction contre cette conception individualiste et rationnelle est venue de l'école historique de la première moitié du XIXe siècle, reconnaissant non l'individu comme moteur de développement, mais le groupe social, et en combattant la conception de l'immutabilité de la nature humaine. La théorie de Marx et Engels „mor highly intergrated synthesis of concrets existence and rational principle than that of these contemporaries“ (L. Krieger, *Journal of history of Ideas* 1953), est devenue non seulement la synthèse de la pensée humaine, mais, en établissant les principes méthodologiques des recherches sur l'histoire de l'humanité, et en précisant le rôle moteur de la classe sociale dans le progrès, a basé les recherches sur des principes objectifs et rationnellement vérifiables.

Si avant Marx les conceptions bourgeoises du progrès (et même la doctrine de Marx), admettaient le progrès comme phénomène existant dans tous les domaines de la vie de l'homme, les doctrines bourgeoises ultérieures, même si elles ne rejettent pas la conception du progrès, se limitent à son analyse dans un seul domaine de la vie, le reconnaissant comme décisif pour l'appréciation de l'ensemble. A la fin du XIXe siècle, ce domaine est la technique, dans la première moitié du XXe siècle, c'est le perfectionnement des méthodes de direction. Un courant pessimiste de plus en plus profond apparaît, niant l'existence du progrès dans l'histoire de l'humanité. L'auteur définit le fascisme comme une combinaison du

progrès technique, du transfert „objectif” et antihumain de l'attitude envers le progrès „technique” dans l'abstrait et de son influence sur la destinée de l'homme, sur les méthodes de direction; comme une mystification idéologique pour la conquête des classes intermédiaires dans l'appréciation pessimiste du progrès et la glorification du passé. L'auteur, pour terminer, souligne le développement et la renaissance actuels des doctrines rationalistes du progrès, et y voit la plateforme de l'entente entre les penseurs, indépendamment de leurs opinions sur les régimes sociaux et économiques.

Adam Próchnik

LA NARODOWA DEMOKRACJA ET LA GUERRE RUSSO-JAPONAISE *

Au début de la guerre russo-japonaise, la Narodowa Demokracja (parti polonais de Démocratie Nationale) subissait une évolution vers l'accord avec les positions antigermaniques et l'appui sur les couches possédantes, comme l'indique son programme de 1903 qui conçoit l'indépendance comme idéal, ne laissant pas de place pour la lutte armée et demandant d'agir dans le cadre des conditions existantes. Ce programme, confronté avec les conditions de la domination russe, est pratiquement irréalisable: le pouvoir absolu du tsar ne laissait pas d'autre voie que la lutte pour son abolition. Bien que le programme de 1903 soit conçu en conditions de paix, la guerre n'y apporte pas de changements. La N. D. comptait que la guerre transforme la Russie en démocratie de type ouest européen et que, dans ces conditions, une lutte légale pour les droits de la nation polonaise fut possible. La guerre, selon les publicistes de la N.D., peut provoquer de rapides changements de régime, mais toutefois ces changements peuvent survenir plus tard ou même jamais.

L'attitude de la N.D. pendant la guerre est antirusse. L'épouvantail germanique est encore le monopole des partisans de l'accord. Selon les publicistes de la N.D., une attitude contraire est possible aussi bien dans l'accord que dans la révolution. On appelle ceci politique de réalité, de lutte sur deux fronts. On critique aussi la politique d'accord, en soulignant la dénationalisation de la jeune génération. A l'inverse des appréciations ultérieures faites par les principal dirigeant et idéologue de la N. D., Dmowski, sur la guerre russo-japonaise, la polémique avec les courants révolutionnaires est relativement plus faible; elle consiste plutôt en explications pourquoi la N. D. ne partage pas les idées de révolte. Par contre est admis le spectre d'une action anglaise, encourageant les Polonais à une révolte inconsidérée.

Marian Zychowski

LES COLONS ALLEMANDS DANS LE ROYAUME DE POLOGNE (1830-60).

L'article s'occupe du développement des rapports capitalistes dans l'agriculture du Royaume de Pologne, sur l'exemple de l'analyse de la structure des fermes des colons allemands pendant les années 1830-60.

---

* L'article fait partie de l'héritage manuscrit de l'éminent historien et militant du Partii Socialiste Polonais (P.P.S.) décédé à Varsovie en 1942.

L'auteur s'est servi du matériel des Archives Anciennes Centrales de Varsovie, relatif à la Commission Gouvernementale des Affaires Intérieures, aux Commissions de Voivodie, et aux paroisses protestantes pour les années 1796-1864. Ce matériel se compose des rapports annuels des chefs de district et de gouvernements locaux pour les années 1842-65, sur le cheptel et les biens des colons et leur répartition.

Sur base de ce matériel inconnu, l'auteur se consacre à quatre questions: 1) la genèse de la colonisation, 2) la dynamique de son développement, 3) la condition (l'état de fortune) des colons dans les biens privés, 4) comparaison du potentiel économique des colons, des paysans et du seigneur.

L'auteur distingue trois étapes de colonisation. La première, de 1796 à 1806, c'est la domination prussienne sur les terres centrales polonaises, colonisées par l'installation de paysans mecklembourgeois, wurtembergeois et, partiellement, silésiens, surtout dans les biens du Trésor, expression de germanisation et solution à la lutte de classe en Prusse (déportation de paysans).

L'année 1807 — date de la création du Duché de Varsovie, voit l'échec des projets du gouvernement de Prusse.

La seconde étape va de 1807 à 1830. La colonisation se développe spontanément par l'arrivée de paysans allemands et d'un grand nombre de paysans polonais, de Poméranie et de Silésie, qui, en résultat de la rapace „régulation”, avaient en fait perdu leurs moyens d'existence. Les colons continuent à être installés dans les biens publics.

La troisième étape commence après 1831. Les colons s'installent de préférence dans les biens privés. En 1830 le nombre de colons dans les biens publics était de 3816 familles, et de 3675 familles dans les biens privés. En 1859 il n'y avait plus que 2528 familles dans les biens publics, contre 10185 dans les biens privés.

Ici l'auteur prouve l'inexactitude des chiffres statistiques de Grabski et Wolski.

Le plus grand nombre de colons réside dans les régions occidentales de la Pologne du Congrès.

En général les colons jouissaient du bail à perpétuité. Les nobles les accueillaient volontiers dans leurs biens, contre un versement unique d'une somme élevée.

Dans le Royaume de Pologne, les colons formaient un pourcentage élevé des fermiers. En moyenne, les colons possédaient davantage de terres de labour, de forêts et de pâturages que les fermiers et paysans non libres. Lors de l'installation, les colons recevaient une grande superficie de friches qui, après la mise en valeur, était souvent reprise par le noble. En 1842-59, les colons perdirent ainsi une partie de leurs forêts. Au total, en 17 ans, les nobles se sont emparés de plus de 50 mille morgues de terres diverses.

Le cheptel moyen du colon était nettement supérieur à celui du paysan local. Le cheval jouait un rôle de premier plan dans son exploitation, alors que chez le paysan dominait le boeuf.

Le niveau et le développement de l'exploitation du colon exprimaient la tendance générale de l'agriculture du Royaume vers le capitalisme, et annonçait la crise du régime féodal.

Les tableaux détaillés élaborés par l'auteur donnent l'image de la condition des colons, comparée à celle des autres paysans. Ces tableaux, comme les données statistiques dont il est parlé plus haut, peuvent compléter l'ouvrage de W. Grabski „Histoire de la Société Agricole”.

Zbigniew Landau

L'EMPRUNT DILLON

Contribution à l'action du capital américain en Pologne

L'article se propose d'expliquer les raisons pour lesquelles la banque américaine Dillon, Read et Co. a consenti en 1925 un emprunt à la Pologne. L'auteur estime que les profits directs n'intéressaient pas la banque, mais qu'elle cherchait à rendre impossible au gouvernement polonais, par des clauses appropriées, d'obtenir au début de la guerre douanière polono-allemande des crédits sur le marché américain. A cette époque, couper la Pologne des crédits américains sans qu'elle puisse recourir aux emprunts anglais et français, c'était la soumettre au diktat économique du Reich. La Banque Dillon, Read et Co. y était vivement intéressée, la rentabilité de ses importants capitaux engagés en Allemagne dépendant en grande mesure de l'expansion allemande sur les marchés de l'Europe orientale.

L'étude est basée sur les Archives Nouvelles (fonds Kuzik et Banque de Pologne), ainsi que sur les archives du ministère des affaires étrangères d'avant-guerre.

Karol Buczek

OBSERVATIONS SUR LE DROIT DES PAYSANS À LA TERRE DANS LA POLOGNE DES PIAST

L'article a pour sujet l'étude de J. Matuszewski „*Causae haereditariae des clauses d'immunité*” (Revue Juridique et Historique — *Czasopismo Prawno-Historyczne*, VIII, fascicule 1, Poznań 1956), dans laquelle sont réunies et analysées les clauses de certains privilèges polonais du XIIIe et du début du XIVe siècle, réservant au souverain le droit de décision dans les questions d'héritage. Ces clauses sont importantes: elles prouvent que les paysans possédaient des droits héréditaires à la terre au début de la période féodale (X—XIIIe s.). Dans sa critique des opinions de Matuszewski, l'auteur démontre en premier lieu que les clauses d'immunité excluant de la juridiction patrimoniale les litiges de frontière, n'ont pas pour objet les paysans et qu'il s'agit de litiges avec les domaines avoisinants; il n'est pas d'accord non plus avec l'opinion mal fondée que ces clauses ne concernent pas les „dispositions d'héritage”, mais qu'elles ont pour objet des „droits réels sur biens immeubles” mal définis. Déjà le passage du Livre de Henri sur les paysans ducaux de Pirozowice, témoigne que de telles décisions sur le droit de succession avaient réellement lieu dans la pratique des tribunaux princiers. Mais les droits de succession des colons dépendants du droit polonais, ne peuvent être opposés, somme le fait Matuszewski, au droit allemand auquel étaient assujétis d'autres catégories de colons.

Selon Matuszewski, les *causae haereditariae* concernaient aussi bien les paysans libres que les „*servi ascripticii*” bien que les sources ne soient certaines qu'à l'égard de ces derniers. L'extrême laconisme des clauses en question permet d'y incorporer les paysans libres, mais on ne peut affirmer avec certitude qu'ils possédaient, réellement des droits héréditaires à la terre, les libres paysans-héritiers ne seraient plus, dans ce cas, reliés par quoi ce soit à leur maître. A l'époque, tous les

héritiers libres étaient astreints au service militaire à cheval et tenaient leurs biens (*haereditates*) du *iure militari*.

Le reste de la population peut être partagée en serviteurs domaniaux non libres, *servi ascripticii*, paysans libres et diverses catégories de paysans ducaux héritiers. Les serviteurs domaniaux se recrutaient surtout parmi les prisonniers de guerre, les achats (*servi empticii*) et leur progéniture. Si le maître les installait sur une terre pour qu'ils la travaillent pour lui en subvenant eux-mêmes à leurs besoins, ils devenaient „*servi ascripticii*“ non libres, et, évidemment, sans aucun droit à la terre. Ces droits ne jouaient pas non plus en faveur des paysans libres: arrivants, travailleurs agricoles, travailleurs loués fixes et saisonniers, se différenciant des *servi ascripticii* en ce qu'ils pouvaient quitter leur maître après avoir satisfait aux conditions du *more liberorum hospitum* ou du *iure arratorum*.

Le groupe paysan le plus caractéristique du début de la féodalité est formé par les paysans ducaux héritiers, installés sur la terre royale d'après différents droits octroyés aux groupes de *smardes*, *naroks*, serviteurs (*ministeriales*), gardiens, etc. Les droits de ce genre, tout comme le *iure militari*, définissaient la position des paysans à l'égard du droit ducal (*ius ducale*) et envers d'autres groupes de la population, soit en premier lieu les droits et les devoirs (*servitia*) propres à chaque groupe. Ces devoirs étaient déterminés par la terre considérée une sorte de dotation et, tout comme les terres du *iure militari*, était héréditaire selon le droit de succession polonais. Mais autant les chevaliers étaient héritiers libres, autant les paysans ducaux-héritiers étaient liés héréditairement à leur service et à leur terre; donc, après un don à l'église ou à quiconque, tôt ou tard ils retombaient parmi les *servi ascripticii* non libres et perdaient leurs droits à la terre et les autres privilèges de leur groupe.

Il semble ne faire aucun doute que la juridiction royale dans les questions d'héritage prend sa source dans le *regale ziemny*, reliquat de la communauté primitive, stipulant que personne ne peut posséder de terre en propriété héréditaire qui n'accomplisse de service pour le souverain, détenteur des droits et du pouvoir des chefs de clans et tribus.